

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Н. Н. РОЗОВ

К юбилею Остромирова Евангелия

В 1956 году исполняется девятьсот лет со дня начала написания Остромирова Евангелия и сто пятьдесят лет его изучения.

В Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина под шифром Ф. I. № 55 хранится любопытная рукопись, освещающая как обстоятельства, при которых было найдено Остромирово Евангелие, так и самую начальную стадию его изучения. Это — толстая, в 294 листа, книга, написанная на плотной синей бумаге с филигранями 1805 года; на корешке оттиснуто: «Список с Евангелия новгородского, писанный (I) с 1056 году». Вначале подклеена собственноручная записка А. Н. Оленина, озаглавленная: «Я. А. Дружинину и ответ его своеоручный».

Отвечая на вопросы Оленина, Дружинин писал: «При осмотре, произведенном мною хранящегося в гардеробе покойной госуд. Екатерины II платья, нашел я в прошлом 1805 году сие Евангелие. Оно нигде в описи и в приходе не записано и потому неизвестно, давно ли и от кого туда зашло... Камердинеры и гардеробские помошники оставили его без уважения и оно забыто».

Записка Оленина, датированная 20 апреля 1806 года,¹ является первым документальным свидетельством проявления интереса к Остромирову Евангелию и безусловно устраняет нередко приводимую в литературе ошибочную дату его находки (1806 год).

Вторым свидетельством того же рода является заметка во 2-й книжке 1806 года журнала «Лицей», издававшегося И. И. Мартыновым. В заметке этой кратко и в популярной форме сообщалось об особенностях орфографии Остромирова Евангелия, а о миниатюрах отмечалось лишь, что их «живопись груба, но служит доказательством, что и в то время уже в ней упражнялись».

Но сама упоминавшаяся выше копия Остромирова Евангелия является документом уже тщательного палеографического и лингвистического изучения этого памятника. Сделанная крупным писарским почерком, она имеет на себе явные следы работы опытного палеографа: соблюдены не только все особенности орфографии и графики оригинала (большие и малые «юсы», «ери», «еры», зигзагообразные пометы и «крестики» между отдельными словами и фразами), но и расположение слов в строках и строк в столбцах. Все изображения и заставки, имеющиеся в подлиннике, оговорены; некоторые инициалы — простейшие по начертанию — скопированы. В начале рукописи подклеено следующее «изъяснение»: «что линейками

¹ Т. е. за два года до начала работы Оленина в Публичной библиотеке.

подчеркнуто, значит что в подлиннике написано красным; что точками — значит золотые литеры в подлиннике».

К тексту Остромирова Евангелия подведены в этой копии разночтения с каким-то другим; в трех местах около разночтений имеются карандашные приписки, говорящие о каком-то «Полоцком Евангелии». Это дает основание установить, что текст Остромирова Евангелия был впервые сличен с Евангелием XIV века, принадлежавшим Иоанно-Предтеченскому монастырю в Полоцке и известным своими многочисленными приписками (вкладными и данными), принадлежащими к древнейшим памятникам смоленско-полоцкого говора.¹ Однако самый текст этого Евангелия, как устанавливает акад. А. И. Соболевский, носит явные следы новгородско-псковского говора;² очевидно поэтому именно с этой рукописью было в первую очередь сличено Остромирово Евангелие, приписка к которому давала основание предполагать его написание в Новгороде. К тому же, в годы, когда Остромирово Евангелие поступило в Публичную библиотеку, здесь было еще не так много древнерусских Евангелий, тем более новгородского происхождения. И когда в Библиотеке появилось так называемое Милятино Евангелие кон. XII—нач. XIII в., написанное в Новгороде, оно было сразу же сверено с Остромировым.

Сверху этих двух памятников древнейшего периода истории русского языка производил сам владелец Милятина Евангелия П. К. Фролов — известный в свое время горный инженер, знаток русской книжной старины, владелец первого из частных собраний древнерусской рукописной книги, переданных в Публичную библиотеку. Посылая в 1813 году в Публичную библиотеку Милятино Евангелие, Фролов писал Оленину, что в этой книге одно слово «означено так же, как в Евангелии Остромира».³

Перечисленные документы сохранили мало сведений о лицах, впервые работавших над Остромировым Евангелием; например, ничего не известно ни об авторе заметки в «Лицее», ни о том, кем была сделана первая копия с Евангелия. Невероятно, однако, предположить, чтобы к этому не имел отношения А. И. Ермолаев, бывший некоторое время личным секретарем Оленина, а затем до конца дней своих связанный с ним по работе в Публичной библиотеке и в Академии художеств. Биография Ермолаева до сих пор не написана; мало изучена его деятельность на посту хранителя Отдела рукописей, который он занимал с 1812 года до своей смерти (в 1828 г.), нет точных сведений об его ученых трудах. Но не даром Ермолаев славился не только как археолог, но и как палеограф: его учениками по этой части считали себя Карамзин, Оленин и, наконец, Востоков, с именем которого обычно связывается начало изучения Остромирова Евангелия.

Действительно, ни у Оленина, ни у Фролова, ни даже у Ермолаева не было необходимых лингвистических знаний и опыта для подготовки научного издания Остромирова Евангелия. Поэтому за Востоковым (поступившим в Публичную библиотеку в 1815 г.) остается заслуга первого научного исследователя Остромирова Евангелия, издавшего его как с палеографическим, так и с лингвистическим совершенством.

Труды Востокова сразу же привлекли внимание ученых славянских стран — Добровского, Ганки, Шафарика, Миклошича и других и положили начало огромной литературе об Остромировом Евангелии. Подавляющее

¹ Шифр F п I № 17 Подробнее см.: Е. Э. Гранстрем. Описание русских и славянских пергаменных рукописей Л., 1953 (Труды Отдела рукописей ГПБ), стр. 41—45

² А. И. Соболевский. Смоленско-полоцкий говор в XIII—XV вв. Русский филологический вестник, 1886, т. XV, № 1, стр. 17

³ Архив ГПБ, 1813 г., дело № 7, л. 26.

большинство работ о нем посвящено его палеографическому и лингвистическому анализу; история же его девятисотлетнего существования до сих пор была предметом лишь нескольких статей. Продолжают оставаться неустановленными как место написания, так и дальнейшая судьба книги, которая проясняется лишь с начала XVIII в.¹

Более 30 лет не появлялось в нашей стране работ о письме и языке Остромирова Евангелия, хотя в свете новых фактов и теорий о происхождении славянской и русской письменности и языка следовало бы серьезно пересмотреть всю литературу об Остромировом Евангелии. Сравнение письма и языка этого памятника хотя бы с берестяными грамотами новгородскими, несомненно, дало бы результаты, интересные для изучения как Остромирова Евангелия, так и этих грамот.

Однако ни издание Востокова, ни фотолитографические издания 1883 и 1889 годов не могут удовлетворить нынешних требований науки. Необходимо новое издание, воспроизводящее все выдающиеся графические и художественные особенности самой старой из сохранившихся до нашего времени датированных русских книг, одного из самых ранних памятников русской письменности и языка.

¹ Г. Д. Филимонов. Дополнительные сведения об истории Остромирова Евангелия. Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. С. Тихонравовым, 1859; кн. 1, отд. III, стр. 145—149.